

Ты вкусилъ уже вѣчносто. А ты до положеннаго Провидѣ-
нiемъ предѣла будешь еще жить въ земной оболочкѣ, прохвѣ-
дывая и часто обыкновенныхъ радостей и скорбей, превлекая
къ предѣ совершившагося влече Господнею. Всѣ мы, друзья
и знакомые, товарищи и ученики Викторина Феодоровича, об-
ротаемъ нашу общую любовь къ нему въ сердечную молит-
ву къ Господу о спасенiи души его и объ утѣщенiи его въ
правдинѣ.

А. Стасовичий.

НАДГРОБНАЯ РѢЧИ.

I.

Въ словѣхъ, по изреченiю Псалмопѣвца, не болѣе
прочности, какъ въ злавѣ, какъ вѣтъ, растуцель на
полѣ, который нѣсколько часовъ или минутъ красуется,
нѣтъ... по не усидеть надъ нимъ причесались вѣтры,
какъ уже вѣтъ его и мѣсто его уже не узвѣсть сто! Та-
кова, бр., и участь наша въ настоящель дѣль! И нѣтъ ни
одного дня, нѣтъ времени, нѣтъ минуты, которая бы без-
численными опытами не напоминала намъ о нашей смерт-
ности! Вотъ и янѣ, пенятыямымъ, судьбамъ Божиимъ
угодно было преждевременною кончиной дорогого собрата на-
шего Викторина даровать намъ новое напоминанiе, новый
урокъ о дѣвности состава и суетности надеждъ и стремле-
нiй нашихъ на землѣ!

Одновременно нами, въ Божѣ почивый собретъ нашъ
Викторинъ Феодоровичъ, отличавель рѣдкими способностями,
рѣдкою трудолюбивъ, и въ продолженiе 10 лѣтняго учи-
тельства, съ рачительностью, вполне добросовѣстно и честно
исполняель долгъ службы, и всегда съ живою любовью отно-
сился къ своимъ питомцамъ — ученикамъ, которые изъ есте-
ственнаго чувства благодарности къ своему доброму учителю —
паставнику собралель янѣ отдать послѣдний хрищанскель
долгъ молитвы о душѣ его и долгъ прощанiя. Не буду го-
ворить о душевныхъ качествахъ покойнаго, ибо кто не зна-
еть его дѣлель и теплоты души? Кто не знаетъ благород-
ства правды, приметы характера и любви его по правдѣ?

Кому неизвестна его скромность, его постоянство, благородство и терпѣливѣ? Кому неизвестно его дружелюбіе, особенно выразившееся въ сердечной любви и предупредительности къ своимъ товарищамъ по школьной семьѣ и службѣ?..

Предлежащій вамъ гробъ, въ которомъ покоится прахъ недавно цвѣтущаго здоровья нашего сослуживца, преподаетъ намъ новый назидательный урокъ, какъ должно относиться къ жизни земной и какъ смотрѣть на нее. Будемъ-же внимать тѣмъ назидательнымъ истинамъ, которыя внушаетъ намъ смерть собрата нашего Викторина, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ и крѣпости силъ! Братія и дѣти! Не доказываетъ ли вамъ предлежащій гробъ, что юность и мужество есть одно мгновеніе, что наше здорovia есть слово, не имѣющее твердости, что такъ называемая красота тѣлесная есть одинъ призракъ и гнѣніе, что волнуемая страстями наша кровь въ гробѣ оледенѣетъ; что питаемая нами съ такою заботливостію наша плоть чрезъ нѣсколько времени будетъ не болѣе какъ горсть праха, что временныя удовольствія суть опасная прельщенія; что земныя надежды суть обманчивыя мечты, которыми нѣсколько довѣрять не должно, что вѣтъ на землѣ веселія, которое не окончилось бы печально; вѣтъ счастья, за которымъ бы не послѣдовали слезы сердечнаго сокрушенія; вѣтъ сладости, которая бы не превратилась со временемъ въ горесть; что для пріобрѣтенія спасенія столько-же должно прилагать усилій въ лѣтахъ отрочества, юности и мужества, какъ и въ старости, потому что никто не можетъ заключить условій со смертію.

Съ другой стороны, если смерть поминаетъ людей еще въ цвѣтѣ лѣтъ, то тѣмъ болѣе должно ожидать ея въ старости, и слѣдовательно, если еще въ лѣтахъ мужества надлежитъ помышлять объ участи ожидающей насъ за гробомъ, то, преимущественно, должно помышлять о семь и готовиться къ переходу въ другую жизнь въ лѣтахъ преклонныхъ; потому, что всѣ мы къ одному и тому же концу поспѣваемъ, съ тѣмъ различіемъ, что одни раньше, другіе позже обратятся въ прахъ земной. — однихъ мы, другіе насъ будутъ провождать въ могилу; о земныя пріобрѣтенія и блага, столько теперь прельщающія наше сердце, останутся по сю сторону гроба! Что же ожидаетъ насъ за гробомъ? Вѣчность! без-

брежлив, не окончимая вѣчность! Мы братья и дѣти содрасаемся при словѣ: „смерть“. Правда; потому что при всѣхъ усилахъ, при всемъ напряженіи ума, мы не въ состояніи проникнуть въ область смерти, и одинаково каждый человѣкъ неизбежно долженъ будетъ взойти въ эту страну невѣдомую. Но ободримся бр.! Вѣра, сія спасительная, благодѣтельная дщерь неба, вѣра подастъ намъ свѣтлыиыки, съ коими мы безбоязненно можемъ проникать въ область смерти и увѣриться, что умирающіе о Христѣ переходятъ отъ смерти къ жизни: *что живемъ-ли мы, или умираемъ*, — *Господи если* (Рим. 14, 8), *что для истинныхъ христіанъ, смерть есть приобретение* (Филип. 1, 21); *что какъ древу если надежда, еще до послѣдняго будитъ, такъ прощитъ* (Іов. 14, 7), *какъ посланное и сожившее въ недрахъ земныхъ съма, снова призываетъ для новой жизни: такъ и тѣлеса наши съются смертію въ тѣлѣи* (1 Кор. 15, 42, 43), *да восстанутъ немощныя, съются не въ честь, да восстанутъ во славу; съются немощныя, да воскреснутъ сильныя и тако да царствуютъ со Христомъ во вѣки*. Озаренные столь высшими и утѣшительными истинами, сопримчавъ въ гробъ нашихъ ближнихъ, если они умерли въ покаяніи, напутствованы таинствами святыи вѣры, если представились въ надеждѣ воскресенія въ жизнь вѣчную, то мы не должны обтовать объ нихъ неутѣшно, подобно изычникамъ невѣрующимъ упованію (1 Сол. 4, 13).

Посему, братья, отдавши послѣдній долгъ тѣмъ оставшимъ, уснипато собрата нашего Викторина, не будемъ предаваться безутѣшной скорби: ибо онъ почившій, какъ истинный христіанинъ, всегда старался исполнить свято долгъ христіанина и не легкой долгу службы учительской: съ любовью относился къ ближнимъ и, какъ истинный сынъ церкви, удостоился чистосердечной исповѣди и причастія Св. Тѣла и Крови Христовой съ живымъ упованіемъ на милость Божию, всецѣло предать себя волю Божіей и съ миромъ отошелъ въ вѣчность. Посему, бр. и дѣти, почтѣмъ пмы изжить дорогого собрата нашего Викторина не столько слезами, сколько молитвами. Молитесь, дѣти за Викторина Ф. во всякое время, утромъ и вечеромъ, во всякое время, ибо онъ любилъ васъ и не жалѣлъ трудовъ своихъ для нашего блага, и если это дѣло мыъ васъ скорчилъ

его дѣлостью, непослушаніемъ, невнимательностью или чѣмъ другимъ, — то просите у него прощенія предъ его прахомъ и равно, если кого онъ обидѣлъ словомъ или дѣломъ, неволь-но просите еѹ. Помолитесь, братіе и дѣти, всѣмъ сидящимъ за соборомъ нашимъ Викторина, да водворить его Господь въ седеніяхъ праведныхъ!

Господи Боже, Владыка естества нашего, Викторій павъ смерти наводишь жизнь, ушкою раба Твоего Викторина въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ живнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, гдѣше вси праведнѣи пребываютъ. Амань.

Свещенникъ *Михаилъ Чакиръ*.

II.

Желая по чувству нравственнаго долга сказать нѣсколько словъ въ память почившаго товарища, я не берусь, братіе, въ подробности описывать его духовный образъ. И желалъ бы лишь напомнить нѣкоторыми личными воспомина-ніями и востатѣльнѣями о нѣкоторыхъ чертахъ нравственнаго характера и жизни дорогаго товарища и друга.

Почившаго раба Божія Викторина я узнавалъ 15 лѣтъ тому назадъ, когда онъ, не достигши еще вѣншиа юновскаго возраста, прибылъ въ Кіевъ для поступленія въ духовную Академію. Трудно забыть, сколько благородства, привлекательности и высоты — тѣлесной и душевной — было въ этомъ ювонѣ! Онъ сразу сталъ нашимъ общимъ любимцемъ. Общительность, доброта, теплота сердечнаа, постоянное живорододное вистростіе привлекали въ нему сердца всѣхъ насъ. Потому онъ стужалъ эти прекрасныа качества сохрарить и еще развить: оттого его првеутетвіе всегда разлапало вокругъ него благодушіе и веселіе. Онъ былъ радостью товарищей. Я не припомню случая, когда бы сердечныа товарищескіа отношенія почившаго чѣлъ либо омрачались.

Волѣнно оговаривается въ сердцахъ друзей и товарищей вѣсть о кончаніи дорогаго друга и товарища. И я отъ влени всѣхъ ихъ до земли влапнюсь тебѣ, дорогаа Викторинѣ Феодоровичѣ. Миръ праху твоему! Ты не умрешь въ нашей памяти. *Люби якожеже отчааетъ* (Кор. 1. 13. 8); со смертью любимаго человека она становится возвышеннѣе и чище. Въ дорогихъ воспоминаніяхъ о свѣтлыхъ дняхъ на-